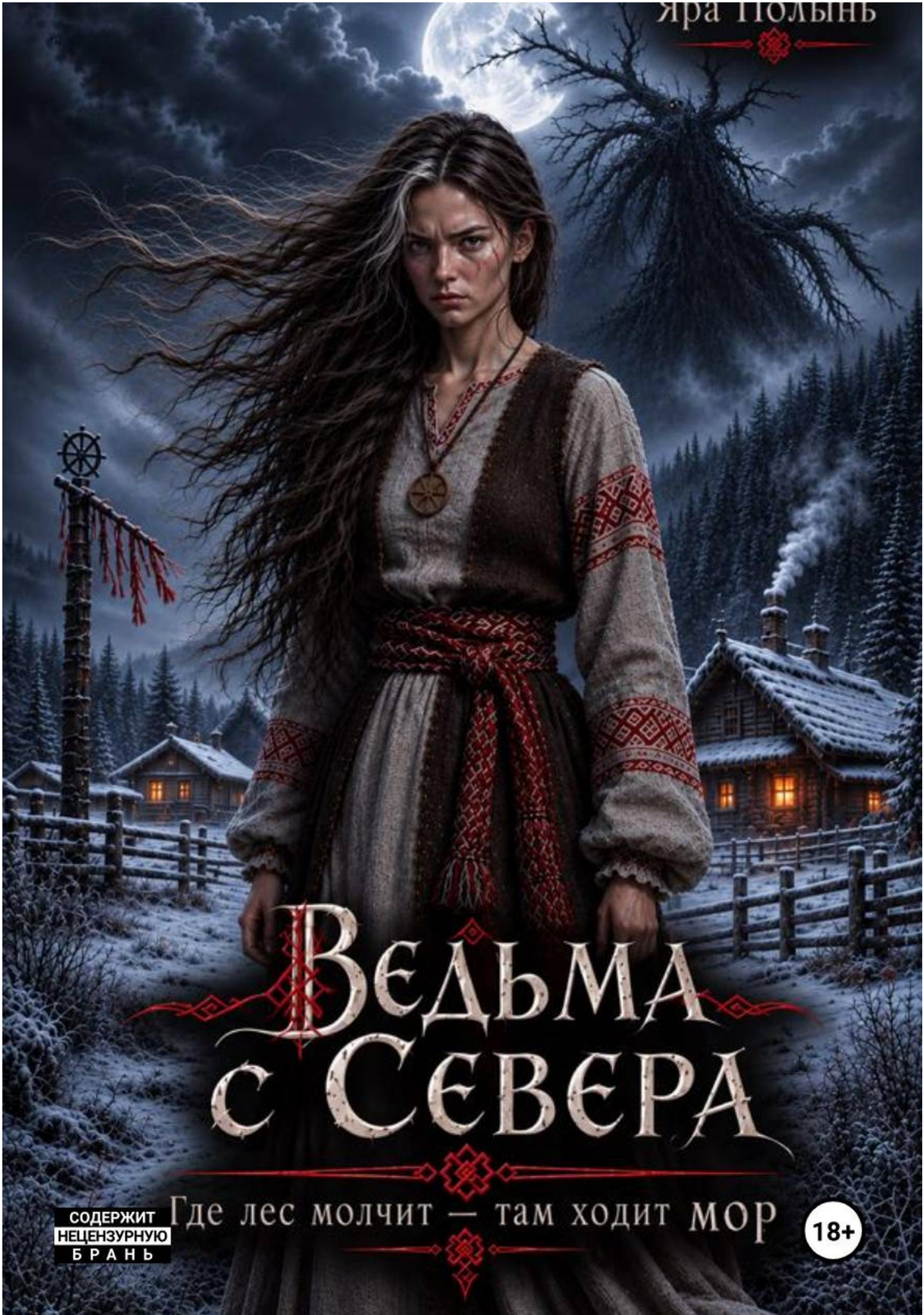

Яра Полынь
Ведьма с Севера
Где лес молчит — там ходит мор
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Яра Полынь

Ведьма с Севера. Где лес молчит - там ходит мор

«Автор»
2026

Полынь Я.

Ведьма с Севера. Где лес молчит - там ходит мор / Я. Полынь — «Автор», 2026

На краю земли, где зима не кончается, стоит хутор за частоколом. Живёт там Люта — ведунья-ученица, травница, странная девушка с тёмной косой и серьёзным взглядом.Пока варятся мази да свершается магия, пока домовой бьёт горшки и ворчит, повесть идёт своим чередом. Мрачная. Северная.Но история эта не для детей.Где-то в лесу стоит изба на курьих ножках. В пещерах под землей дремлет Горыныч. А по свету идут четверо предвестников беды, кои хотят сгубить землю и весь люд.Но найдутся те, кто встанет бок о бок с Лютой, на защиту яви: богатырь с большим сердцем лишившийся памяти, бывший разбойник-вор с тёмным прошлым, да знахарь с рунами по всему телу и манией величия.Впереди — дорога дальняя, города незнакомые, леса дремучие и твари, о которых ни в сказках сказать, ни пером описать.В книге:ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ЮМОРКАЛОРИТНЫЕ ГЕРОИАВТОРСКИЙ МИРМРАЧНАЯ СКАЗКА

© Полынь Я., 2026
© Автор, 2026

Яра Полынь
Ведьма с Севера. Где лес молчит - там ходит мор

Слово первое: о утре на хуторе

Люта

Я проснулась от того, что кто-то щекотал мне нос.

Не открывая глаз, я попыталась отмахнуться, но пальцы схватили пустоту. Щекотка перебралась на щёку, потом на ухо. Я вздохнула и открыла один глаз.

Перед моим лицом, в воздухе висел маленький, сияющий жёлтый шарик, размером с ноготь, с тёплым, чуть зеленоватым свечением. Если присмотреться, в этом свечении можно было разглядеть что-то вроде крылышек, только они были не как у мухи или бабочки, а будто сотканы из самого света — дымчатые, едва заметные.

— Ещё рано, Подик, — пробормотала я и натянула одеяло на голову.

Светлячок вспыхнул ярче. Ну конечно. «Рано? — как бы говорил он. — Твоя мать уже печку растопила. Михай с отрядом уже вернулись с ночной охоты, принёсли трех зайцев и одного какого-то зверя, которого сами не признали. Сережка с утра пораньше разбил горшок с крупой и обматерил кожевника».

Я вздохнула и села.

Сережка, наш местный домовой обожал доставать местных. Вчера он «случайно» перевернул крынку с молоком, позавчера — спрятал сапоги Михая, а неделю назад зачем-то переставил все горшки в кладовой на одну полку так, что утром Ихван, глава хутора, полчаса искал, где лежит соль. Сережка при этом сидел под печкой, и делал вид, что он вообще ни при чём. Его, конечно, все любили. Но иногда, любили не очень.

— Ладно, — сказала я. — Встаю.

Подик радостно крутанулся вокруг моей головы, свет его заплясал, замерцал и он завис над моим левым плечом.

Я натянула рубаху, натянула мешковатую тунику из грубой ткани, поверх — кожаный жилет. Перехватила талию кожаным поясом, натянула свободные штаны и обмотала голени тряпичными онучами. На шею повесила маленький тканевый мешочек-оберег на шнурке с травами, которые всегда ношу с собой. Накинула тёплый платок — в нашем климате даже летом утро холодное, а сейчас так вообще зима. Всё простое, практичное, привычное.

Наше с матерью жилье была одной из двух спален, отгороженных от общего пространства общинного дома дощатой перегородкой. У нас было три комнаты: кухня-мастерская, где мы готовили и где мать сушила травы, варила мази, и я ей помогала с этим и перенимала её опыт. И две спальни — моя и матери.

Посреди кухни стояла небольшая печь: она и грела, и кормила. Дом наш был большой и общий на весь хутор, но у каждой семьи было такое же своё загорождение, а в центре находился большой общий зал, где мы собирались на трапезы, советы и праздники.

В углу моей спальни стоял маленький алтарь богини Мокоши, что прядет нити судеб. Простая деревянная полочка, на ней — вышитое полотно с её знаком, чаша с водой, пучок полыни и клубок шерсти, чтобы задобрить прядильщицу. Я опустилась перед ним на колени и прошептала короткую молитву — о матери, о хуторе, о том, чтобы день прошёл спокойно. Мокошь не любит суеты, ей довольно тихого слова.

Подошла к бочке с водой. Оттуда на меня смотрела девушка с серьёзным, сосредоточенным взглядом — такие лица бывают у людей, которые привыкли полагаться только на себя. Тёмные волосы, заплетённые в косу, лежали на левом плече.

Умылась, и только после этого окончательно проснулась. Вышла из нашей с матерью каморки.

В большой деревянной юрте уже пахло дымом и кашей. Моя мать — Осока хлопотала у печи: невысокая, коренастая, в косынке, из-под которой выбивались такие же темные, как и у меня, пряди. Руки у неё были в муке, и она то что-то напевала себе под нос.

Мать моя была травницей — и не просто травницей. Весь хутор она снабжала мазями, отварами и припарками. К ней шли за лекарством от кашля, за средством от болей в спине, за настоем, чтобы успокоить дитя. Магия её была слабой, она сама это признавала и не могла выполнить даже простое бытовое заклинание, но руки у неё были золотые, а память на травы — лучше, чем у любого лекаря. Я с ранних лет помогала ей: собирала травы, училась их свойствам, запоминала, какая от чего помогает.

А потом Эльза, наша ведунья, взяла меня в ученицы — и с тех пор я училась уже не только травам, но и тому, что лежит глубже: голосам духов, тропам, что скрыты от глаз, и предчувствию перемен.

— Проснулась, — сказала она, не оборачиваясь, будто почувствовав меня. — Садись, каша готова. И не забудь: сегодня нужно собрать пустырник у восточной рощи. Я хочу сделать новую мазь от кашля, у Милы снова грудь заложило.

— У Милы? — Я села на скамью и придвинула миску. — Опять?

— Опять. — Мама покачала головой. — Она же с детства болезненная была, и с тех пор каждую зиму простужается.

— Это я помню, вместе же росли, — сказала я, зачерпывая полную ложку каши и отправляя её в рот.

Мать закончила с тестом и отправила будущую буханку хлеба в печь, и наконец обернулась на меня. Взгляд у неё был мягкий, но от её цепких глаз ничего нельзя было утаить.

— Ты сегодня какая-то смурная. Опять плохо спала?

Я пожала плечами.

— Да как обычно, кошмары мучили, но меня Подик разбудил.

— Сон не помнишь? — спросила мама, нахмурившись.

Я отрицательно покачала головой. С раннего детства меня начали мучать плохие сновидения, но каждый раз проснувшись, я не помнила ничего из того что мне снилось. Маму, почему-то, это очень беспокоило. Она говорила что такие сны могут предвещать беду и подсказывать, как с ней можно справиться.

Наутро, для меня так и оставалось тайной, что же именно я видела. И со временем перестала придавать значения смутным образам, которые ко мне приходили в ночи.

— Ладно. Хорошо, что твой друг был рядом. — Она мягко улыбнулась, потрепала меня по голове, протерла стол от муки, достала корзинку с сушеными травами и начала их раскладывать, подбирая ингредиенты для мази, которую собиралась сделать для дочки главы хутора.

Мама не видела Подика. Никто не видел. Но для меня он существовал. Для всех остальных он был просто моей выдумкой — маленьким жёлтым светлячком, которого я придумала себе в детстве, потому что других детей в моём возрасте на хуторе не было. Правда, изначальное имя у него было намного длиннее и использовать его постоянно было неудобно, поэтому я стала называть его сокращением от полного имени.

Точнее, были ребята постарше и помладше, но они со мной не дружили. Я была странной. По их словам.

Я часто уходила в лес, когда все играли в салки, разговаривала с деревьями, приносила домой мокрый мох и листья, пахнущие болотом, и могла полчаса стоять на одном месте, глядя, как ветер гоняет по тундре сухую траву. Мне была интересна природа и сама её суть. Она завораживала.

Дети меня дразнили. Сначала называли ведьмой, а поняв, что я не реагирую на это прозвище, просто перестали замечать. А я и не обижалась. Ну какая ведьма? Ведьма — это та, что порчу наводит. А я будущая ведунья. Так говорила и мама. Так говорила и моя наставница Эльза, у которой я училась.

Эльза была ведуньей-друидом — из тех, кто слышит лес, кто может говорить с духами и плести заговоры. Она учила меня не только травам, но и тому, как слушать землю, как не бояться тишины и как отличать настоящий зов от собственной тревоги. И Эльза точно плохого не скажет.

— Доедай, — сказала мама посмотрев в окно, на поднимающееся солнце в небе. — И иди. Лекарство нужно сделать до ночи.

Слово второе: о лесе

Люта

После завтрака я взяла суму и вышла за ворота.

Хутор просыпался. За частоколом гомонили куры, олени в загоне переступали с ноги на ногу, быки лениво жевали сено. У амбара Лут, старший следопыт и охотник, развешивал на просушку шкуры, и от него пахло дымом и зверем. Он кивнул мне, я кивнула в ответ. И пошла дальше.

Дорога в лес шла через поле, потом через редколесье, а дальше начиналась тропа, которую знали и видели не многие. Я шагнула на грубый снег, который хрустнул под ногами и направилась в гущу.

Лес по утрам всегда разный. Иногда тихий, будто спит. Иногда ворчливый. Порой страшный и опасный. Но я никогда не боялась его и он будто уважал меня за это, показывая мне чудеса природы, давая травы и ягоды, которые я с матерью использовала для целительства.

Но сегодня он был каким-то… настороженным. Я остановилась и прислушалась, но ничего особенного не услышала. Просто ветер. Просто птицы. Просто шорох сухой травы.

— Ты чего? — спросила я Подика, который привычно вертелся у моего плеча.

Он мигнул — раз, другой. Свет его стал чуть ярче, потом снова ровным. «Ничего, — как бы сказал он. — Просто ты сама чего-то ждёшь».

— Показалось, — согласилась я.

Я уже зашла глубоко в лес и собирала пустырник у восточной рощи, когда почувствовала это в первый раз.

Сначала до меня донесся какой-то гул. Далеко-далеко, на границе слышимости, будто в небе собирается большая туча, как перед ливнем. Но в это время года дождей быть просто не могло быть. Да и небо, просматриваемое сквозь кроны деревьев было чистым.

Потом я почувствовала легкое покалывание в пальцах. А Подик в это время вдруг вспыхнул резко, коротко и будто пропал. Стало тревожно. Ветер завыл над головой, спустился ниже и прошиб меня насквозь.

Я завертела головой, почувствовав чьё-то присутствие.

— Кто здесь?! — крикнула я, и мой голос разнесся среди деревьев.

Гул стих так же внезапно, как и появился. Ветер резко осел.

Тишина. Потом за спиной я услышала шаги. Обернулась. Из-за стволов вынырнула знакомая фигура.

Влас.

Он был из наших, с хутора, сын того самого Лута, которого я встретила ранее. Он тоже иногда ходил в лес — то ли на охоту, то ли просто так. Но обычно, насколько я знала, так далеко не забирался. Шёл за мной? Зачем? И почему я сразу его не заметила?

Он был старше меня года на два, и в хуторе его любили: высокий, светловолосый, с открытым лицом и широкой улыбкой. Местные девчонки бегали за ним и набивались в невесты, но ему они были будто не особо интересны. Мне же он казался просто обычным. Никакими особыми умениями не обладал, ярких талантов не имел. Просто парень, каких у нас на хуторе не много, но достаточно.

Он вышел на поляну и остановился передо мной в паре шагов. Выглядел он так, будто удивился не меньше моего.

— Люта? — сказал он. — Ты чего кричишь на весь лес?

Голос у него был спокойный, тёплый.

— Я... — Я запнулась. — Мне показалось, что здесь кто-то есть. Ветер поднялся, а и гул...

— Гул? — Влас приподнял бровь и огляделся. — Я ничего не слышал. Я тут с утра, за оленем пошёл, да след потерял. — Он улыбнулся чуть смущённо, будто стыдясь. — А потом слышу — кто-то кричит. Думал, беда ли, потерялся ли кто. А это ты.

Он подошёл ближе. Снег заскрипел под его сапогами, и я вдруг почувствовала, что стою слишком прямо, слишком напряжённо, будто готовлюсь к чему-то. Хотя к чему мне было готовиться? Это же Влас. Свой. Не чужак.

— Ты одна? — уточнил он, оглядываясь по сторонам. — В лесу-то сейчас неспокойно. Говорят, в соседних хуторах кто-то пропадает. Зверь, что ли, или люди лихие.

— Я не боюсь, — сказала я. — Я здесь часто бываю. В такую даль редко кто может зайти не зная дороги.

— Знаю, — и от этого «знаю» у меня что-то ёкнуло внутри. — Ты всегда одна ходишь и далеко. Наши в такие дебри особо не заглядывают. Всё же, болота у нас не редкость, а увязнуть и помереть никто не хочет. — Он помолчал, будто решаясь на что-то, и добавил. — Давно хотел заговорить. Да всё случая не было.

— Заговорить? — Я не поняла такой быстрой смены разговора. — Зачем?

Влас рассмеялся — легко, беззлобно.

— А разве нужен повод? А если честно… Ты ведь ведунья и Эльзы подопечная. Говорят, травы знаешь лучше всех в округе. Вот я и подумал, может, ты мне скажешь, какая трава от чего? — По неловкому тону стало сразу понятно, что он придумывает причину, чтобы продолжить разговор. — Раз мы так встретились и разговорились... А то у меня отец кашляет, а я в травах — как олень в грамоте.

Он улыбнулся снова. И я вдруг осознала, что стою и улыбаюсь в ответ. Первый раз за долгое время кто-то из хутора заговорил со мной не по делу, не за лекарством, а просто так. Точнее, как… Да, про травы, но видно было, что это просто повод.

— От кашля — пустырник, — начала перечислять, немного растерявшись. — Я его как раз собирала. И мать-и-мачеха. Но её зимой не найдёшь, так что лучше отвар из сосновых почек сделать. И мёд, если есть.

— Сосновые почки, — повторил Влас, будто запоминая и снова огляделся. — Слушай, а ты не замёрзла? Ветер-то какой поднялся. Я думал, меня с ног сдует.

— Ветер. Да. Странный ветер.

Разговор не клеился. С моей стороны, но Влас будто не обращал на это внимания. Я посмотрела на него внимательнее. Парень стоял спокойно, расслабленно. И всё-таки что-то было не так. Что-то в том, как он появился. Как будто ждал. Может он и правда меня караулил?

Но я отогнала эту мысль. Я всегда была слишком подозрительной. Мать говорила: «Люта, ты как зверь — всё чуешь, даже то, чего нет». Наверное, она права и я просто нагнетаю.

— Мне пора идти. Мать ждёт травы. Могу для твоего отца сделать как раз микстуру. Вечером можешь зайти и забрать.

— Конечно, Спасибо! — Влас и отступил в сторону, освобождая для меня тропу. — Только... Люта.

Я обернулась.

— Ты это... если что, — он вдруг снова замялся, будто стесняясь, — Если тебе нужна будет помощь. Ну, там, донести что, или ещё что. Ты говори. Я буду рад помочь.

Я кивнула, не зная, что сказать. И пошла по тропе, чувствуя спиной его взгляд.

Подик вновь появился только у самых ворот, при входе на двор. Свет его был тусклым, будто приглушенным.

— Ты чего? — спросила я.

Он мигнул. Раз. Другой. «Не знаю, — как бы сказал он. — Но мне не понравилось».

— Мне тоже, — ответила я тихо, себе под нос и заторопилась к дому.

Слово третье: о тени над лесом

Люта

Домой я вернулась к полудню. Мама уже подготовила основу для мази, и хлопотала по дому. Увидев меня, она подняла голову:

— Пустырник нашла?

— Да. — Я поставила корзину. — Мам, а ты когда-нибудь слышала… гул? В лесу.

Осока замерла. Всего на миг, но я заметила как она напряглась.

— Гул, — повторила она. — Какой гул?

— Ну… не знаю. Похоже будто и земля и небо шумят.

Мать вытерла руки о передник и посмотрела на меня внимательно — так, как она умела, будто видела насквозь.

— Когда это было?

— Утром. У восточной рощи.

Мама помолчала. Потом сказала:

— Мало ли что в лесу гудит. Может, болото. Может, ветер в корнях. Не бери в голову, Люта. Помоги лучше мне, просуши ягоды и измельчи.

Она отвернулась и снова взялась за дела, но я видела, что она не просто так это сказала. Она что-то знала. Или о чём-то догадывалась. Но, видимо, меня в свои мысли посвещать не думала.

— Мам, — позвала я, приступая к разбору ягод. — Вечером ещё Влас зайдет, я приготовлю отвар для его отца.

— Влас? Сын охотника? Ты его на дворе встретила?

— Нет, в лесу, когда пустырник собирала, — сказала я. — Встретила его сегодня. Он... заговорил со мной. Был довольно дружелюбен.

— Заговорил, — повторила мать. — И что он сказал?

— Спросил про травы. От кашля. Для отца. Я и предложила сама помочь.

Осока помолчала. Потом сказала, медленно, будто взвешивая каждое слово.

— Влас — парень видный. И слова у него гладкие. Ты с ним ухо востро держи, Люта. Он вроде человек не плохой… Да не всяк, кто с улыбкой — друг.

Она вернулась к травам, и я поняла: разговор окончен.

Но что-то в её словах застряло у меня внутри.

:##:#.˚###:#.::##:#.˚###:#.:

Вечером я вышла за ворота, подышать перед сном.

Пошел первый снег. Хутор затихал. Куры угомонились, живность находилась в загоне, в доме народ мирно переговаривался за ужином, в общем зале. Небо было светлым, хоть и серым, без единой звезды — такое бывает перед долгой зимой, будто само небо стало ленивым, как медведь перед спячкой.

Я стояла у частокола, глядя в сторону тундры, и Подик мерцал у меня на плече, тёплый и привычный.

Подул ветер. Не сильный, но какой-то прозяблый — будто не с поля, а из-под земли, из самой глубины, где лежит вечный холод. Он налетел разом, встрепал мои волосы, швырнул их мне в лицо и понесся дальше.

Я повернулась — туда, куда он дул.

И увидела.

Не человека. Не зверя. Безликую тень над лесом.

Длинная. Извивающаяся. Она тянулась от одного края неба до другого, и я видела, как по её телу прокатывается волна — медленная, глубокая, будто внутри этой тени ворочалось что-

то живое, пробуя свои силы после долгого сна. Со множеством то ли рук то ли ног, которые двигались не в такт, а волнами, будто по её дымчатому телу пробегала дрожь.

Она была тёмная, почти чёрная, и в сумерках казалась трещиной в небе, которая вдруг ожила и поползла. Внутри меня возникло ощущение, будто я смотрю на то, чего видеть не должна.

Нечто остановилось.

Повернуло ко мне ту свою часть, которая видимо была головой.

У неё не было лица. Вообще.

Ни глаз, ни рта, ни морды — только очертания. И всё-таки я чувствовала, что она смотрит. Всем телом смотрит на меня, будто чует.

Гул, который я слышала утром в лесу вернулся. И вместе с ним — треск, будто разряды от миллиарда крошечных молний раздался прямо в моей голове. Пальцы на руках онемели разом, когда я схватилась за голову, пытаясь побороть неожиданный приступ.

Я хотела крикнуть. И не смогла. Время будто замерло. Снежинки, которые падали с неба, застыли в воздухе, как подвешенные на нитках. Ветер не дул. Огонь в доме не трещал.

Подик вспыхнул, резко, судорожно, как догорающий фитиль. Заметался. А потом замер. Просто завис в воздухе и перестал двигаться, будто его выключили. Свет его стал ровным, тусклым, неживым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.